

О.И. Молкина

**ФИНЛЯНДИЯ — ПОСЛЕДНИЙ ШАГ НА ПУТИ К ДОМУ
(кругосветное путешествие петроградских детей
в 1918–1921 гг.)¹**

В статье рассказывается о последнем этапе удивительной одиссеи более 800 петроградских детей, оказавшихся на попечении Американского Красного Креста во время Гражданской войны 1918–1921 гг. Совершив в течение 2,5 лет настоящее кругосветное путешествие по суше и по морю, дети были привезены на японском сухогрузе «Йомей Мару» в Финляндию, где прожили три месяца в бывшем Императорском санатории «Халила» в ожидании переправки через финско-советскую границу для возвращения домой, в Петроград.

Ключевые слова: дети, Гражданская война.

O.I. Molkina

**FINLAND — THE LAST STEP ON THE WAY HOME
(Round-the-World Trip of Petrograd Children, 1918–1921)**

The article covers the last stage of the unprecedented odyssey of more than 800 Petrograd children under the protection of the American Red Cross during the Civil war of 1918–1921. Having made during 2,5 years a real round-the-world trip across the land and the sea, the children were brought to Finland on board of Japanese cargo ship Yomey Maru. There they spent about three months in the former Imperial sanatorium “Khalila” waiting for the permission to cross the Finnish-Soviet border in order to get back home to Petrograd.

Keywords: Children, Civil war.

10 октября 1920 г. произошло событие, которое, возможно, осталось бы незамеченным финскими гражданами. К порту Хельсинки подошел необычный корабль — японский сухогруз «Йомей Мару» с японским и американским флагами на мачтах и с огромным красным крестом на белом фоне, нарисованным на трубе. На борту новой краской сияли буквы: American Red Cross. Груз, который везло судно, был также необычный — восемь сотен детей и подростков, которых сопровождали русские и американские воспитатели.

К этому моменту юные путешественники не были дома уже более двух лет. Они давно ничего не знали о своих родных, оставшихся в Петрограде,

а те, в свою очередь, лишь изредка получали косвенные сведения о судьбах детей, которых они отправили на летние каникулы на Урал в мае 1918 г.

Мальчики и девочки из разных учебных заведений были собраны в так называемые детские летние колонии, которые существовали в России с конца XIX в. и были прообразом советских пионерских и нынешних летних детских лагерей. Колонии, в которые попали наши герои, приобрели в 1918 г. дополнение к своему старому названию: питательные. Ведь ребят из голодного Петрограда отправляли в более или менее благополучные и сытные районы. Около тысячи ребят от 5 до 15 лет в составе Петроградской детской летней питательной колонии отбыли в двух железнодорожных составах на Урал, но в пути их застала Гражданская война, которая спутала все планы, и вернуться домой к началу учебного года колонистам (как называли ребят в составе летних колоний) не удалось.

К осени колония находилась в плачевном состоянии — без теплой одежды, практически без средств к существованию (деньги, собранные родителями из расчета на три месяца, стремительно обесценивались и в августе уже практически закончились). Помещения, в которых в нескольких населенных пунктах расположились группы колонистов, собирались передавать под госпитали. Прямо под окнами этих помещений происходили ужасные сцены: перестрелки, облавы и даже казни. Пули порой залетали в комнаты, где спали дети. Малыши плакали и прятались под кроватями, старшие выскакивали на улицу от любопытства и рисковали попасть под пулю. Были случаи, когда солдаты заходили в спальни к детям и тыкали штыками в набитые сеном матрасы, искали что-то под кроватями. Женщины-воспитательницы были в ужасе.

Ситуация становилась все более угрожающей, тем более что некоторые воспитатели не выдержали груза ответственности и покинули колонию, забрав собственных детей.

Однако местные благотворители позаботились о колонистах, и все они получили теплую одежду. По возможности ребят расселили небольшими группами в разных селах, городах и станицах на Южном Урале и в Сибири.

И только зимой 1919 г. пришла настоящая помощь. Членам родительского комитета, сумевшим добраться до мест расположения колоний, удалось договориться с представителями миссии Американского Красного Креста (АКК), который согласился взять детей под свою опеку². Тримя железнодорожными составами под охраной американских солдат колонистов отправили во Владивосток, где располагалась штаб-квартира АКК. С сентября 1919 г. ребята провели почти целый год на острове Русский и на стан-

ции Вторая Речка, где они жили на полном обеспечении и под охраной АКК, которым в то время руководил молодой журналист из Гонолулу (Гавайи) Райли Аллен. Он взял на себя обязанности директора колонии и всю полноту ответственности за почти тысячу ребят.

После вторжения во Владивосток японских войск в апреле 1920 г. Красный Крест получил распоряжение президента Вильсона срочно сворачивать дела и вместе со всем Американским экспедиционным корпусом отправляться назад, в Соединенные Штаты.

Подчинившись этому приказу, Райли Аллен оставил бы на произвол судьбы всех этих русских детей и подростков, которые доверились ему и не сомневались, что он выполнит свое обещание отправить их домой к родителям.

Однако план отправки по железной дороге, который уже был практически готов к осуществлению, теперь срывался, так как американские солдаты не могли больше сопровождать составы, а поездка через всю страну без охраны в условиях продолжавшихся боевых действий, бандитских налетов и эпидемий, то и дело вспыхивавших по пути следования поезда, была невозможна.

Райли Аллен решил вопрос иначе. Он задумал отправить всех детей и их русских воспитателей домой, в Петроград, через два океана на каком-нибудь судне. План этот показался сотрудникам Аллена фантастическим. Но другого выхода никто предложить не смог.

Единственная возможность зафрахтовать судно представилась благодаря огромному авторитету американского доктора Рудольфа Тойслера (Rudolf B. Teusler), который до Аллена руководил Красным Крестом во Владивостоке, а теперь работал в Японии, где занимался организацией медицинского образования и строительством большого госпиталя³.

Доктор Тойслер сумел сделать, казалось бы, невозможное. Он объединил представителей трех стран, которые находились в то время в очень напряженных отношениях, и Американский Красный Крест смог зафрахтовать японское судно для перевозки на его борту русских детей.

Так на судне-угольщике с красивым названием «Йомей Мару» оказались одновременно три важных символа: японский и американский флаги и знак Международного Красного Креста.

Само судно пришлось срочно переоборудовать, чтобы оно могло хотя бы минимально отвечать требованиям по перевозке пассажиров. Большую часть затрат на это взял на себя хозяин пароходной компании "Katsuda steamship Co. Ltd." господин Кацуда Гиндзиро.

Это был неслыханный успех. Ведь ни одна страна, включая Россию и США, не согласилась предоставить борт для столь необычного путешествия в беспокойное время.

13 июля 1920 г. «Йомей Мару» покидал Владивосток. На его борту стояли и прощально махали руками ребята, которые за прошедшие два года успели повзрослеть и много чего пережить. Судно под командованием молодого японского капитана Мотодзи Каяхара взяло курс на Японию.

Первой остановкой стал японский порт Муроран на острове Хоккайдо. Это была техническая остановка, тем не менее детям, не имевшим никаких документов и разрешений, все же позволили сойти на берег и пообщаться с местными школьниками. Концерты и показательные состязания в восточных боевых искусствах, общение с помощью жестов, совместные игры заполнили день, проведенный на земле Японии. К вечеру все колонисты вернулись в свой плавучий дом, нагруженные сувенирами и местными лакомствами и полные удивительных впечатлений.

Воды Тихого океана, к счастью, удалось преодолеть без особых приключений, хотя увидели колонисты много нового и интересного, в том числе дельфинов, китов, летучих рыб и акул.

Сан-Франциско встречал детей с восторгом и почестями. Огромное внимание со стороны прессы и местных жителей, особенно эмигрантов из России и Украины, сделали дни пребывания в этом замечательном городе совершенно незабываемыми.

Невозможно было забыть и об удивительном приключении — прохождении шлюзов Панамского канала по пути из Тихого океана в Атлантический. Жители Панама проявили себя не менее доброжелательно и щедро: на борт судна доставили огромное количество экзотических фруктов, невиданного разноцветного мороженого и сувениров. Жители Панама приходили в порт специально для того, чтобы увидеть этот ковчег детей из далекой и загадочной страны России и поприветствовать маленьких пассажиров.

Не менее гостеприимным оказался и Нью-Йорк, где ребята провели еще несколько дней, полных ошеломляющих впечатлений от фантастических небоскребов, парящей над Гудзоном статуи Свободы, эстакад, по которым над головами прохожих бежали трамваи, множества автомобилей и общего духа свободы и прогресса...

И вот настал день, когда надо было попрощаться с Америкой и ее добрыми жителями. Приближался долгожданный момент, когда они смогут снова обнять своих родителей.

Техническая остановка во французском Бресте не была примечательна ничем, кроме возможности находиться на закрытой территории причала и периодически слышать через дырки в заборе не слишком доброжелательные выкрики местных жителей.

Проход по Кильскому каналу оставил печальные воспоминания: плачевное состояние, в котором находились немецкие граждане, было очевидно. Бывшие военнопленные чехи, словаки и венгры, которые также были взяты в качестве пассажиров с условием, что они будут помогать в хозяйственных делах во время путешествия в Европу, на свою родину, не смогли выдержать вида несчастных голодных мужчин и женщин в лохмотьях и бросали им с борта какую-то одежду и утварь. Несмотря на то что все это имущество вообще-то принадлежало Красному Кресту, американцы сделали вид, что ничего не заметили. Гуманное отношение к нуждающимся, видимо, уже было не только их обязанностью по уставу, но и потребностью души — столько несчастий и ужасов успели они повидать в воюющей России.

Воды Балтийского моря, напичканные противолодочными минами, несли страшную угрозу. А учитывая состав пассажиров, следовало быть максимально осторожными. К счастью, местные лоцманы оказались на высоте, и ничего страшного не произошло...

6 октября «Йомей Мару» бросил якорь в заливе у берегов Финляндии.

Рис. 1. «Йомей Мару» около порта Койвисто

С первого дня путешествия полковник Райли Аллен аккуратно вел судовую журнал. Судя по записи, сделанной им в этот день, американский консул в Хельсинки ничего не знал о прибытии «Йомей Мару», однако удалось найти представителей Красного Креста — капитанов Элиота и Хопкинса.

«Мы отправились в отель “Кемп”, встретились с капитаном Элиотом и капитаном Хопкинсом и позавтракали там. Капитан Хопкинс сообщил нам, что вопрос о высадке детей был все еще не разрешен окончательно, что он занимается этим делом больше недели и лишь сегодня надеется получить подтверждение о разрешении на высадку детей. Он предполагает расквартировать их в населенном пункте, который называется Тавастегус⁴. Капитана Хопкинса должны были принять в Министерстве иностранных дел для обсуждения вопроса о высадке детей, и после ланча мы отправились туда. Мы были приняты двумя чиновниками — мистером Винкельманом и мистером Воремаром. Оба они говорили по-английски. Они сообщили нам, что Совет Министров как раз занимается этим делом, и вскоре мистер Винкельман, после телефонного разговора, сказал, что правительство дало предварительное согласие на размещение детей в Финляндии и что мы получим официальное разрешение около 3-х часов дня. <...> Гельсингфорс после беглого осмотра показался нам весьма привлекательным для этой части света городом. Улицы чистые, застройка произведена в определенном порядке, в магазинах достаточно товаров и они бойко торгуют, электроосвещение, водоснабжение и уличный транспорт действуют исправно, в городе царит живая атмосфера»⁵.

К моменту прибытия «Йомей Мару» в Хельсинки официальных, в том числе торговых, отношений между Финляндией и Россией не существовало, граница была закрыта, однако Объединенная комиссия по подписанию мира как раз в это время заседала в эстонском городе Дерпте. Ожидалось, что в течение недели договор будет подписан, а затем, после соответствующих обсуждений, ратифицирован.

Финские коллеги рассказали Аллену о том, что, по их сведениям, в Петрограде жизнь ужасная, и те, кому удалось разными способами выбраться оттуда и попасть в Финляндию, были очень счастливы. Красный Крест подкармливал этих беженцев, но многие из них не могли свободно перемещаться по стране из-за отсутствия паспортов.

Перспективы по отправке детей с территории Финляндии в Россию представлялись капитану Хопкинсу не слишком радужными.

На следующий день выяснилось, что и сама проблема высадки до сих пор не решена, и Аллен сделал очередную запись в журнале.

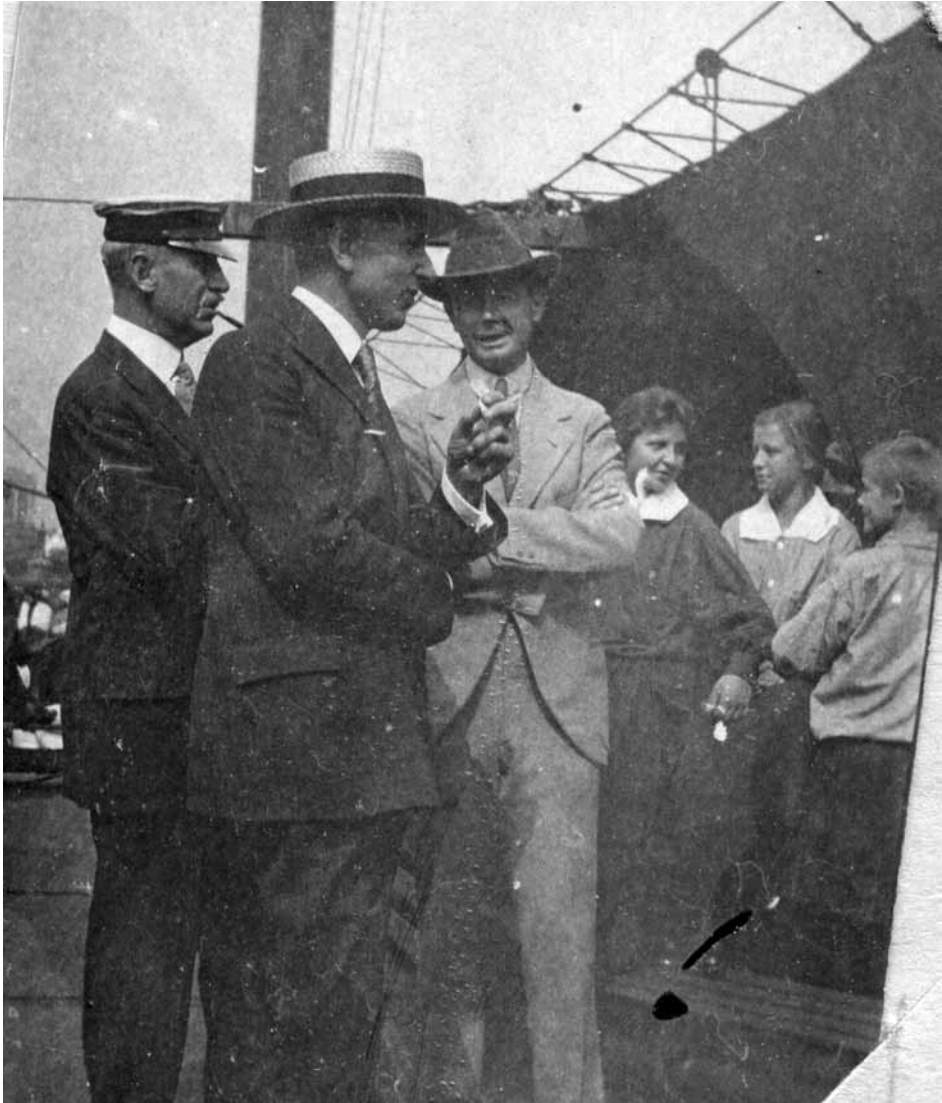

Рис. 2. Райли Аллен в порту Гельсингфорс

«Вчера вечером, в 9 часов, капитану Хопкинсу сообщили по телефону из Министерства иностранных дел, что министр внутренних дел отказался дать согласие на дебаркацию детей, и, следовательно, “Йомей Маару” не сможет высадить их на финской территории. Капитан Хопкинс был

очень расстроен этими новостями и заявил, что не понимает причин отказа после того, как его заверили, что Совет министров даст положительное решение по этому вопросу.

Мы сошли на берег и отправились в отель “Кемп”. Затем капитан Хопкинс пошел со мной в Министерство иностранных дел, но мы никого там не застали. Мы вернулись в отель, и капитан Хопкинс позвонил Йенсену, влиятельному бизнесмену из Гельсингфорса. Мистер Йенсен обещал подумать, что можно сделать, и сразу же решил, как он выразился, “разжечь костер”.

Через час к нам пришел мистер Вормар из Министерства иностранных дел и сказал, что есть возможность пересмотра нашего дела. Между тем капитан Хопкинс передал последние новости полковнику Райану в Ригу, на что получил ответ с указанием употребить все имеющиеся рычаги для пересмотра решения.

В 4 часа нам сообщили, что министры снова приступили к обсуждению вопроса и рассматривают возможность дать разрешение на размещение колонии в санатории вблизи поселка Уусикиркко⁶.

Похоже, “костер”, разожженный Йенсеном, сделал свое дело, возможно, это было также делом рук мистера Вормара⁷.

Существует ничем не подтвержденная легенда о том, что жена загадочного мистера Йенсена также «подбросила дровишек» в разожженный им «костер». По некоторым рассказам, ее удалось пригласить на борт стоявшего на якоре вблизи Хельсинки «Йомей Мару», где для нее был устроен концерт силами колонистов. Играл знаменитый колонистский оркестр под руководством Жени Заработкина, старшие девочки задушевно пели хором русские песни — и сердце мадам Йенсен растаяло. Можно предположить, что, придя домой, она в таких красках живописала увиденное и услышанное, что мистер Йенсен еще больше уверился в необходимости как следует раздуть свой огонь, что привело к получению разрешения на высадку и размещение детей.

Речь шла о санатории «Халила». Частный санаторий для лечения туберкулезных больных был открыт в 1889 г. русским доктором Владимиром Алексеевичем фон Дитманом, который на свои средства выкупил земли в районе Выборга и построил там первый отлично оборудованный санаторный корпус. Однако вскоре финансовые проблемы заставили фон Дитмана продать санаторий казне. Так в России появилась первая государственная «санатория» (тогда это слово было женского рода) для туберкулезных больных. Вскоре были построены дополнительные корпуса, санаторий

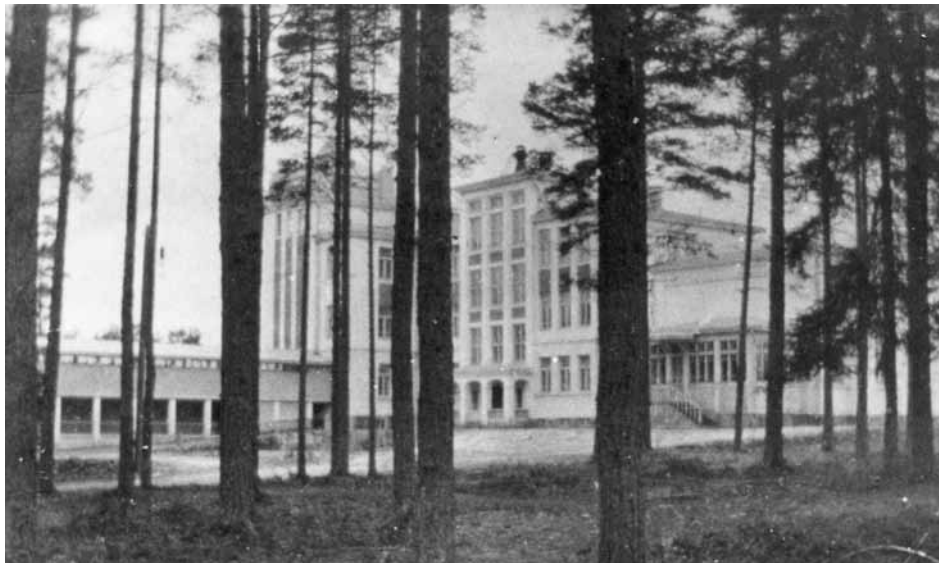

Рис. 3. Главное (Александровское) здание санатория «Халила»

процветал, хотя плата за лечение была умеренная, были и бесплатные места. Санаторий имел отдельный корпус для больных детей, для которых даже организовали школьные занятия в случае, если им приходилось долго оставаться здесь во время учебного года.

В 1893 г. на территории санатория была построена небольшая деревянная церковь во имя Александра Невского. К сожалению, через несколько лет она сгорела, и в 1907 г. на ее месте появилась новая церковь — теперь уже каменная, построенная по проекту архитектора К. Шульмана. До 1939 г. церковь служила местным жителям как лютеранский храм и соответственно сохранялась в полном порядке. После 1939 г., оказавшись на территории СССР, она постепенно теряла свой облик, потому что в ней разместились кинотеатр, магазин и в подвале — кочегарка. Только в 1992 г. церковь была возвращена РПЦ, и в начале 2000-х начались реставрационные работы. Сегодня этот небольшой действующий храм прекрасно выглядит и является украшением местности.

После предоставления Финляндии независимости 6 декабря 1917 г. санаторий «Халила» перешел в собственность этой страны, что не помешало Ленину и Крупской провести здесь несколько дней в конце декабря. Об этом сообщает мемориальная доска, которая до сих пор висит на стене одного из корпусов санатория.

Рис. 4. Церковь во имя Александра Невского в Халила

8 октября 1920 г. Райли Аллен сделал следующую запись в судовом журнале:

«После завтрака (в Выборге, куда они прибыли рано утром. — О.М.) мы поехали в двух автомобилях в Халила, где расположен санаторий, часть строений которого будет отведена детям. В санатории мы встретились с доктором Эльмгреном, выдающимся финским специалистом по лечению туберкулеза, и мисс Рёнткан, старшей сестрой санатория. Последняя хорошо говорит по-английски. Оба были очень внимательны и сердечны, хотя явно несколько встревожены “вторжением” детской колонии в их такое мирное пространство. Мы осмотрели предложенные нам строения и были поражены прекрасным главным зданием, которое нам показали в первую очередь. Уже несколько лет оно стояло без употребления, да и использовалось лишь в течение короткого времени после постройки. Оно находится в прекрасной сохранности, замечательно построено и меблировано.

Нам показали также большой деревянный дом и несколько маленьких домиков, прачечную и другие подсобные строения.

<...> Единственным серьезным препятствием к немедленному приведению этих построек в надлежащий вид к приему колонии является проблема с водоснабжением <...>

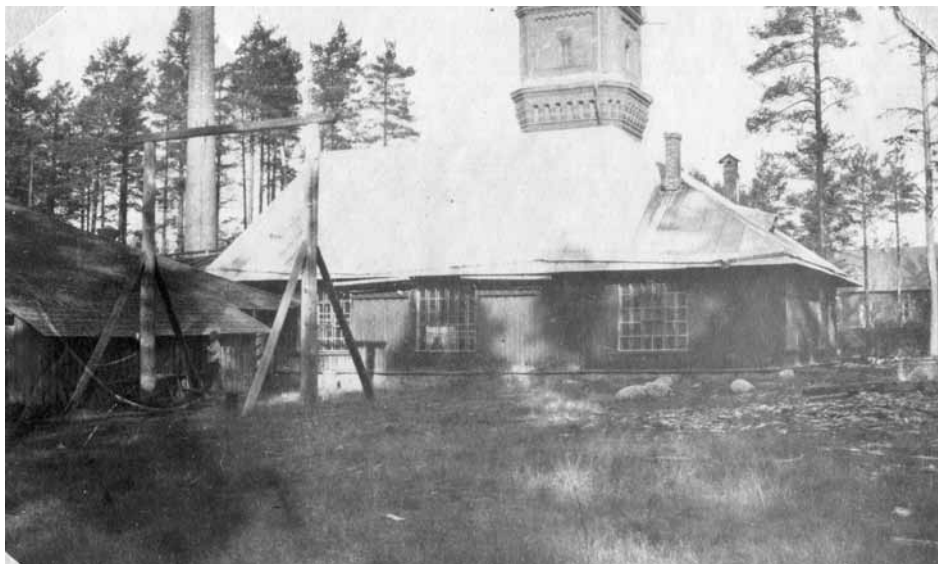

Рис. 5. Подсобное строение в санатории «Халила»
(здесь тоже жили колонисты и сотрудники колонии)

Я сообщил представителям правительства, что нас устраивают эти здания, и попросил управляющего начать немедленно проверку водоснабжения, отопления, освещения и прочих удобств <...>

Затем мы вернулись в Выборг. В этой поездке нас сопровождал Карлсон, сотрудник Выборгского офиса Американского Красного Креста. <...>

Капитан Элиот и мистер Брэмхолл успешно провели переговоры с министром транспорта. Он обещал прислать 25 легковых и 50 грузовых машин на станцию, ближайшую к нашему месту высадки»⁸.

Высадить пассажиров «Йомей Мару» на берег было решено в порту Койвисто⁹ — ближайшем к месту расположения санатория.

Некоторые сотрудники Красного Креста приехали в Халила из Хельсинки поездом, чтобы участвовать в подготовке помещений для детей и персонала, которых предполагалось привезти 13 октября.

В последний раз Аллен открыл судовой журнал 10 октября, когда судно прибыло в порт Койвисто. К этому времени прошло ровно 85 суток с того дня, когда «Йомей Мару» покинул Владивосток. Позади остались 14 623 морские мили (26 321 км). Прошло 28 месяцев с тех пор, как дети покинули Петроград.

Прощание с командой и капитаном было очень трогательным. Много лет спустя капитан Каяхара передал свои впечатления от этого необыкновенного путешествия, которое «Йомей Мару» совершил под его командованием, в небольшой книжке воспоминаний. Вот что он написал о прощании с колонистами:

«С тех пор как мы вышли из Владивостока, вместе прошли через жару и холод, за эти три месяца все дети подружились с членами экипажа, и с грустью повторяли “Саёнара”, “Саёнара”¹⁰, покидая судно.

Экипаж, пожелав детям счастья в будущем, тоже провожал их грустными взглядами, пока они не скрылись на железнодорожной станции.

“Йомей Мару”, разом лишившийся около 900 членов большой семьи, вернулся в Копенгаген, столицу Дании. Мы испытывали чувство опустошения, будто прошел ураган. В Копенгагене мы выгрузили уголь, также там высадились все немцы, австрийцы и венгры и было демонтировано все специальное оборудование. 28 октября корабль снова стал прежним грузовым судном. Мы сняли вызывающие проблемы звездно-полосатые флаги, покрасили красные кресты на трубах. На грот-мачте остались развеваться на ветру только флаги акционерной паровой компании Каууда»¹¹.

Тем временем колонисты привыкали жить в новом месте. Сотрудники Красного Креста, русский персонал и местные специалисты сделали

все возможное, чтобы обеспечить нормальный быт. Были отремонтированы водяные насосы, работало отопление, всех разместили с максимальными удобствами, хотя большую часть мебели, ковры и украшения все же предусмотрительно отправили на склад, не надеясь на их сохранность в присутствии орды маленьких вандалов, какими колонистов наверняка (и небезосновательно) представляли финны. Аллен постарался организовать досуг ребят. По возможности учителя преподавали основные предметы, по вечерам показывали кинофильмы, как обычно, устраивали танцы.

Первая группа колонистов была отправлена в Россию 10 ноября. За ней последовали другие. Однако перед тем, как сформировать группы и передать их советским властям, Райли Аллен посылал письма родным детей в Петроград, чтобы удостовериться, что их будет кому встретить и они снова не окажутся без крыши над головой, без средств к существованию и без присмотра. Почтовая связь между Финляндией и Россией могла осуществляться только через Ревель¹², поэтому на получение ответа уходило немало времени.

Рис. 6. Кухня в Александровском отделении санатория «Халила». *Справа:* повар Альфред Штраль, бывший военнопленный австро-венгерской армии

Рис. 7. Комната мальчиков в санатории «Халила»

Рис. 8. Комната девочек в санатории «Халила»

Рис. 9. Группа мальчиков-колонистов на территории санатория «Халила»

Рис. 10. Колонисты на берегу озера в Халила

Рис. 11. Оркестр колонистов. Санаторий «Халила»

Рис. 12. Граница около станции Валкесаари (Белоостров)

Рис. 13. Группа колонистов перед переходом финляндско-советской границы

Рис. 14. Группа колонистов переходит финляндско-советскую границу

Несмотря на вполне удобную жизнь и привычный распорядок, ожидание и неизвестность были невыносимы.

Многие ребята вели дневники. Вот одна из записей.

«30 ноября.

Какое ужасное состояние — неизвестность. Не знаешь и не предполагаешь, где будешь через несколько дней. Не знаешь, что родные живы или умерли, не можешь представить их жизнь. Мы с сестрой Катей пошли в контору узнать, когда мы едем. <...> Нам Аллен сказал, что он еще не знает, отпустят ли нас, потому что недостаточно того, что мы узнали через какое-то постороннее лицо, что родители наши живы. <...> Скорее бы наши прислали письмо, так беспокоимся. Завтра должны прийти письма, говорят, что будет очень много писем, около 180, и я надеюсь получить. Наши, наверно, очень заняты и не ходят на собрания и не знают источников, через которые можно переслать письма. А также можно думать, что их и в живых нет, так как с того времени, как мы узнали, что они живы, прошло полтора месяца, а мало ли что могло за это время произойти в Петрограде и в семье!..»¹³

Перед отправкой каждый колонист получал большой мешок с продовольствием и предметами первой необходимости, которыми он мог воспользоваться в первые дни после возвращения. Также каждому выдали небольшую сумму денег, чтобы купить что угодно, по своему усмотрению, на местном базаре. Колонистка Женя Копосова вспоминала, что им с младшей сестрой Ольгой этого показалось недостаточно, и они решили заодно продать на базаре простыни, на которых спали и которые, конечно, принадлежали Красному Кресту. Вырученных от этого преступного деяния средств хватило на курицу и банку варенья. К сожалению, Оля и Женя, видимо, были не единственными, кто присвоили казенное имущество. Наверно, позднее, повзрослев, они раскаивались в содеянном, но тогда считали это просто озорством. Не слишком печалились об утраченном имуществе и американцы. Они привыкли к тому, что колонисты зачастую путали свое и казенное. Еще на борту «Йомей Мару» не раз обнаруживались пропажи НЗ из спасательных шлюпок. Консервные банки с шоколадным ломом, предназначенные на случай крушения, периодически оказывались под койками колонистов, которые, глядя невинными глазами, объясняли свое преступление тем, что хотят отвезти шоколад своим голодным родителям в Петроград. Надо сказать, что в большинстве случаев эти слова были искренними...

Пограничный пункт находился на реке Сестре, недалеко от нынешней станции Белоостров, которая тогда называлась Валкесаари. Через неширокую речку были кое-как переброшены шаткие деревянные мостки, на бере-

гу стояла небольшая будка. На финской стороне стояли финские солдаты, на советской — советские. Последние, по словам колонистов, выглядели очень голодными и нездоровыми. Старшие девочки вспоминали, что им стало так жаль этих молодых солдат с изможденными лицами, что они даже отдали им ящик бутербродов, которыми снабдили их на дорогу сотрудники Красного Креста.

Райли Аллен и его помощники прощались со своими подопечными буквально со слезами на глазах. Молодой американец мистер Вудс, который был тайно влюблен в колонистку из старшей группы, не стесняясь, плакал, провожая ее.

Перейдя границу, колонисты шли в сопровождении советских представителей до станции и садились в промерзшие темные вагоны. Совсем немного, всего 34 км, оставалось до Финляндского вокзала, с которого они два с половиной года назад отправлялись на восток, не зная, какие приключения их ждут и, конечно, не представляя, что вернуться сюда уже с запада, совершив самое настоящее кругосветное путешествие по суше и по морю.

Последние колонисты покинули Финляндию 26 января 1921 г.

Финляндия, которая не сразу и не слишком охотно оказала им гостеприимство, все же осталась в памяти колонистов тем местом, в котором они смогли подготовиться к встрече со своими родными, испытавшими за это время много несчастий и потерь, с городом, который еще больше утратил черты некогда блестящей столицы империи. У них было время, чтобы вновь привыкнуть к северному климату, который многие иностранцы считали вообще непригодным для жизни.

Местные жители, работавшие в санатории, не всегда могли спокойно смотреть на поведение подростков, которые иногда «шалили» слишком невозможным для сдержанных финнов образом. Но все же сколько-нибудь серьезные инциденты случались редко.

Лишь однажды, когда антимонархистский настрой старших мальчиков выразился в осквернении бюста Александра III, который стоял на территории санатория, финны страшно разозлились. Не то, чтобы они так уж любили русских монархов, тем более Александра III, при котором их свободы начали снова ущемлять, но они не могли понять, как можно вообще делать такие вещи с общественным имуществом. Вне себя от возмущения финны кричали что-то, ругались, давая волю своим, и без того не лучшим, чувствам по отношению к русским. Младшие мальчишки, выходявшие из корпусов, начинали хихикать, видя необычное поведение, как правило, молчаливых финнов, а поняв, что именно привело их в такой гнев, стали

смеяться еще громче. Такого поведения «гостей» «хозяева» уже не выдержали. Они начали подбирать камни и палки и швырять в хохочущих подростков. Те не замедлили с ответом, и камни полетели в обратном направлении. На шум появились американцы. Поняв, что дело грозит вылиться в большой скандал, те ребята, которые все и затеяли (а это были уже вполне взрослые юноши), начали разнимать вступивших в рукопашную товарищей и разъяренных финнов.

Дерущиеся успокоились и разошлись, никто не выдал зачинщиков, и дело замяли. А памятник пришлось долго отмывать...

Это был, пожалуй, самый серьезный проступок за время пребывания в Халила. Мелкие конфликты не принимались во внимание, хотя они, конечно же, случались.

Все это колонисты с улыбкой вспоминали уже гораздо позже, а в те дни, когда они покидали Финляндию, они думали не о прошлом, а о будущем и не скрывали волнения.

Как встретит их Петроград, что стало за это время с их родителями, чем им предстоит заниматься, как строить свою жизнь после стольких месяцев благополучия и беззаботности, когда все серьезные вопросы решались за них другими людьми.

Прощание с Финляндией стало началом нового этапа в их судьбах. Но и эти три месяца, проведенные на земле северного соседа, не прошли даром. Ведь и финны, так же как японцы, не испытывавшие теплых чувств к русским, повели себя достойно и не стали сводить с детьми счеты из-за прежних взаимных обид со страной, гражданами которой эти дети являлись.

...Пятьдесят лет спустя группа бывших колонистов, чьи внуки уже достигли того возраста, в котором они сами жили когда-то в Халила, отправилась в санаторий, который давно уже снова принадлежал России, но приобрел новое название «Сосновый Бор».

«Весной 1974 г. небольшая группа уже старых людей собралась с силами и посетила поселок Халила, где в течение 3–4 месяцев они жили во время последнего этапа своего путешествия. Теперь это тоже санаторий, но с новым названием “Сосновый Бор”.

“Экскурсанты” с большим интересом подходили к знакомому зданию санатория, открывшегося их взорам среди сосновой рощи. Пользуясь любезным разрешением администрации, они с глубоким волнением прошлись по этажам давно забытого ими здания. Вот коридор с полами из плиток и вереницей светлых лечебных палат на 2–3 человека и номерными табличками на дверях, где когда-то жили наши девочки.

“Вот в этой комнате я жила со своими подругами!” — воскликнула одна из женщин более чем через 50 лет после этого события. С жаром назвав номер палаты, она стала перечислять имена и фамилии своих сверстниц и вспоминать далекие времена и небольшие подробности.

Вот зал с хорами для оркестра. Теперь он не показался таким большим, каким как будто бы был во времена нашего детства... С этим местом у многих колонистов были связаны свои особые воспоминания личного характера.

Почти каждый вечер здесь устраивались танцы — и это было любимым развлечением всех обитателей нашего временного пристанища. И дети, и взрослые с удовольствием предавались этому развлечению. У нас был свой любительский оркестр под управлением энтузиаста этого дела Евгения Заработкина. Оркестр целый вечер играл чудные вальсы, вроде “Золотого дождя” или “Охайо”, польки, тустепы и множество модных в те времена, а теперь давно забытых танцев.

Эти последние в нашем удивительном содружестве вечера, помимо веселья и детской беззаботности в некоторых случаях, Наверное, порождали среди старших колонистов более серьезные чувства взаимной симпатии и привязанности. И эти чувства, надо полагать, незримо оставили в их сердцах свой след на долгие годы.

Об этом и о многом другом вспоминали наши ветераны, побывав в конце своей жизни в этом памятном месте.

Затем прошлись по лесной тропинке вниз к озеру, зашли в здание бывшей русской церкви, по-прежнему стоящей по соседству с главным корпусом санатория — только теперь там устроен магазин и склад. Посидели в сквере вблизи места, где когда-то, в прошлые времена, стоял памятник последнему русскому императору, остановились у мемориальной доски в память посещения этого места в 1917 г. Лениным и Крупской и, полные нахлынувших воспоминаний, с “чувством глубокого удовлетворения” возвратились в Ленинград»¹⁴.

Сегодня никого из колонистов уже давно нет в живых. Но дети и внуки не забывают обо всех, кто так или иначе был причастен к спасению их родных. Американцы, японцы, финны, чехи, словаки, немцы, конечно же, русские, белые, красные, монархисты и революционеры, православные, католики, лютеране, протестанты, буддисты, синтоисты, атеисты — кого только не было среди множества добрых людей, протянувших руку помощи детям, попавшим в беду в очень непростое время.

Всем им мы хотим сегодня сказать «спасибо» — от себя и от имени наших родных, у которых при жизни не было возможности это сделать.

Говорим «спасибо» мы и нашему северному соседу — Финляндии, чьи граждане когда-то проявили гуманизм и приютили наших родных на своей земле.

Мы хотим, чтобы молодые финны узнали об этой истории и лишний раз подумали о том, что отношения между людьми не обязательно являются продолжением отношений между государствами и определяющими их (не всегда вменяемыми) политиками.

Проект международной солидарности «Над нами Красный Крест»¹⁵ продолжается, и мы надеемся, что об одиссее петроградских детей узнают как можно больше людей как в России, так и в Финляндии.

* * *

¹ Иллюстрации к статье — из семейных архивов колонистов.

² Подробнее об этом эпизоде истории Петроградской детской колонии см. статью Е.Г. Удаловой «Пастор Сарве. Поездка в Сибирь в поисках петроградских детей. 1918–1919 гг.» в настоящем сборнике.

³ Сейчас Международный госпиталь святого Луки в Токио известен во всем мире, а память его основателя доктора Тойслера до сих пор свято чтут японские медики и пациенты госпиталя.

⁴ *Tāvastegýs* (*фин.* Hämeenlinna, *швед.* Tavastehus) — город и муниципалитет в Финляндии в провинции Канта-Хяме, губерния Южная Финляндия. Является административным центром губернии и субпровинции Хямеэнлинна. Расположен у озера Ванаявеси.

⁵ Судовой журнал. Национальный архив США. Перевод с английского.

⁶ Уусикиркко (или Кирккоярви, *фин.* Uusikirkko, Kirkkojärvi, *швед.* Nykyrka — новая церковь) — поселок в 300 км от Хельсинки. Сейчас поселок Поляны (Россия).

⁷ Судовой журнал. Национальный архив США. Перевод с английского.

⁸ Судовой журнал. Национальный архив США.

⁹ Сейчас город Приморск (Россия).

¹⁰ До свидания (*яп.*).

¹¹ М. Каяхара. Малоизвестная история времен Красной революции.

Записки о перевозке российской детской колонии. (Воспоминания капитана Каяхара, написанные им для друзей в 1934 г.) / Пер. с яп. Н. Саватюгиной.

¹² Сейчас Таллин (Эстония). Дипломатические отношения между РСФСР и Эстонской Республикой были заключены 2 февраля 1920 г.

¹³ Из дневника Ксении Амелиной.

¹⁴ Воспоминания колониста Юрия Заводчикова (из семейного архива автора).

¹⁵ Узнать больше об истории спасения петроградских детей и проекте «Над нами Красный Крест» можно на сайте: www.petrograd-kids-odyssey.ru